

Руслан

Сетяшкин

ВЕРНОСТЬ СЛОВУ

К 120-летию со дня рождения Г. Мусрепова

Большой, неповторимый художник, писавший о прошлом и настоящем своего народа, о революционных преобразованиях, открывших казахам внешний мир и давших им возможность создать свою национальную республику, он уже при жизни считался классиком. И такое отношение к народному писателю Казахстана Габиту Мусрепову, чей 120-летний юбилей со дня рождения приходится на 22 марта 2022 года, бесспорно, целиком объяснимо, и прежде всего потому, что ему по силам было создавать различные литературные формы – от рассказа, повести и романа до драмы, киносценария, критико-литературоведческих работ и литературного перевода. Причем писал крупнейший казахский советский прозаик и драматург, внесший значительный вклад в развитие казахской литературы, самобытно, живо, с сатирическими отступлениями, вкладывая в созданных им героев и свой собственный взгляд на окружающую действительность, видевшуюся ему, как человеку творческому, увлеченному и искренне любившему, ценившему культуру в самом широком ее понимании, с разных ракурсов.

Литературное наследие народного писателя Казахстана, Героя Социалистического Труда, кавалера трех орденов Ленина, ордена Октябрьской Революции, двух орденов Трудового Красного Знамени и ордена Дружбы народов, лауреата Государственной премии Казахской ССР имени Абая и премии Академии наук Казахской ССР имени Ч. Валиханова Габита Махмудовича Мусрепова велико, многогранно и, к счастью, даже у нас в России окончательно не забыто и не растеряно, хотя и найти его книги можно далеко не в каждой городской или сельской библиотеке. Посему, как бы там ни было, а знаковая юбилейная дата, связывающая нас с этим выдающимся мастером слова, дает нам возможность не просто вспомнить прекрасного писателя, но и порассуждать над его творчеством, всматриваясь в него через призму дня сегодняшнего.

Писать Габит Мусрепов начал не так уж и рано, ему было за двадцать пять, когда свет увидела его первая повесть о гражданской войне «В пучине», да и к тому же он успел к этому времени отучиться в русской школе и окончить рабфак в Оренбурге, продолжив образование в Омском сельскохозяйственном институте, что давало, вне всякого сомнения, начинающему писателю определенные преимущества, использовавшиеся им в дальнейшей писательской деятельности.

Наверное, везением можно считать и тот факт, что в Оренбурге ему посчастливится познакомиться с Сакеном Сейфуллиным, незабываемая фигура которого в какой-то мере послужит ему десятилетия спустя в качестве прообраза главного героя повести «Однажды и на всю жизнь» Еркебулана – поэта и активного участника установления Советской власти в республике.

Сам же оренбургский период своей жизни Мусрепов в автобиографии, написанной в 1970 году, вспоминал так: «...В 1923 году я вместе с Сабитом Муқановым уехал учиться в Оренбург и поступил на рабфак. Несколько месяцев мы жили в одной комнате в квартире Сакена Сейфуллина, большого, уже признанного поэта и революционера, занимавшего в это время пост председателя Совета Народных Комиссаров республики. Сейфуллин был окружен молодыми поэтами, певцами, композиторами. Он не тяготился тем, что прибавилось еще двое. Это был человек большой романтической души и широких взглядов. От него самого веяло поэзией...

Оренбургский рабфак, где коллектив преподавателей состоял из опытных педагогов, давал хорошие знания. Учителя были заботливы и требовательны. Несмотря на то, что в городе было два-три института, рабфак был головным учебным заведением. От него веяло новым революционным духом. <...>

Оренбург приобщил меня к литературе. Особенно меня увлекали Горький и Джек Лондон. Именно в Оренбурге я начал по-настоящему понимать, что такое художественное творчество. Вместе с тем передо мной вставал целый лес вопросов: как примирить наше традиционное поэтическое богатство с тем новым, глубоким и высоким, многоголосым и многокрасочным, чему учит и к чему призывает молодая революционная литература. Пожалуй, в этих вопросах, не нашедших еще вразумительного ответа, и заключались зачатки так называемого писательского кредо. Во всяком случае, для меня это было именно так. Ибо в традиционном было немало ярких образов, красок, украшавших кочевую жизнь в степи и вместе с ней кочевавших из века в век и прикочевавших из глубины веков в нашу современность».

Профессиональным писателем Мусрепов, само собой, стал не в одночасье, и на то были свои объективные причины, связанные в основном с тем, что надо было работать и определяться с тем делом, которое могло бы стать делом всей жизни. «Окончив первый курс Омского сельскохозяйственного института, – вспоминал писатель, – называвшегося в то время Сибирской академией (СибАк), я был на год мобилизован на практическую работу, потом еще на два года и в конце концов навсегда оторвался от учебы. Появились усы, галстук, семья... Стал главным редактором издательства, заведующим сектором искусства Наркомпроса

республики, главным редактором той же майлинской газеты «Енбекши казах», завполитпросветсектором ЦК КПК, начальником Комитета по делам искусств при Совете Народных Комиссаров КазССР.. И только в 1937 году сказал себе: “тпру!”... Я надолго распрощался с креслом руководящего работника... И с этого времени уже целиком отдался литературной работе. Оглянувшись, я понял, как долго я оставался в “прозаседавшихся”. По существу, все более или менее серьезные мои произведения я отношу к последующему после 1937 года периоду».

Как и многие его современники, Мусрепов, ставший писать по настоятельной рекомендации крупного казахского писателя Беймбета Майлина, с которым его свела судьба в том же Оренбурге в редакции единственной существовавшей в этом городе казахской газеты «Енбекши казах», тяготел к горьковской реалистической школе, что для того времени и молодой казахской литературы было вполне естественным явлением, сыгравшим, по большому счету, для тех, кто вступал тогда на литературный путь, явно положительную роль. Но при этом, как бы ни было сильно на него влияние русской классической литературы, Мусрепов, что наблюдалось по тем же его новеллам начала тридцатых годов прошлого столетия, не отклонялся от национальных традиций и форм, сочетая сюжетные коллизии, наполненные романтическим пафосом с острым юмором, свойственным казахскому устному творчеству, прекрасно знакомому молодому писателю.

Четкое следование национальным традициям позволило писателю стать крупным летописцем казахской жизни предреволюционных и послереволюционных лет, причем акцент он старался делать на глубинном мире казахского народа, высвечивая те тонкие струны загадочной казахской души, показывавшие человечность казахов, привыкших жить в суровых условиях и нужде, которые, по логике вещей, должны были бы их только озлоблять, но никак не делать добрее.

Но тем и удивителен казахский народ, говорил Мусрепов в своих произведениях, особенно женщины, олицетворявшие у него зачастую, как, например, в цикле рассказов «Материнский гнев», вечный образ матери-родительницы новой жизни на земле, что могут вместе с мужчинами-защитниками любить, сострадать, жертвовать...

Галерея мусреповских женских образов по-настоящему обширна. Примечательно и то, что фактически далеко не ведущие герои, как та же мать будущего красноармейца Кайруша Саргалеева, главного героя одного из самых известных романов писателя «Солдат из Казахстана», – скромная, но житейски дальновидная колхозница, занимает в повествовании, тем не менее, важное место. Именно ей писатель предоставил возможность показать пример народной мудрости и жертвенности, отрицающей личный эгоизм, способный встать на пути у здравого смысла. Потому-то она, найдя своего сына-подростка, ушедшего из аула и бродяжничавшего в городе Гурьеве, – в детском доме, после разговора с воспитательницей, принимает правильное решение и оставляет сына там учиться.

«...ты тут учишь хорошенько», – сказала она, целуя меня на прощанье.

Она была рассудительна и казалась совсем спокойной за мою судьбу. По правде сказать, в глубине души это даже обидело меня».

Вот так просто и доступно описывает Мусрепов эту обычную казахскую женщину, которой в те предвоенные годы жилось ой как не сладко. Но и в то же время он, конечно, возвеличивает ее, показывая сильный характер матери, желающей светлого будущего своему любимому сыну.

Примечательным у писателя становится и образ сильной женщины Карашаш из «Этнографического рассказа», написанного в 1942 году.

Перед нами в нем предстает женщина-служанка из думучего и обветшалого внешне и внутренне аула тёре (аула аристократов), вынужденная обслуживать скудоумных хозяев во главе со старейшиной Атеке, в чем и убеждаются три молодых активиста, направленных в аул секретарем райкома партии для проведения там работы по вступлению жителей аула в колхоз.

Сатирическим содержанием наполняет Мусрепов этот рассказ, показывая бездельников-мужчин, способных лишь поддакивать аксакалу Атеке. Однако мудрую Карашаш мы видим спокойно-ироничной, смело называющей вещи своими именами.

«— Слава Аллаху, я не жалуясь на жизнь, — сказала она и тут же добавила: — Должно быть, привыкла... А потом... жалуйся, не жалуйся, все равно ничего для меня не изменится. Но вы-то какими судьбами попали на это кладбище?»

Как видно, Карашаш, в отличие от нас, не собиралась скрывать своего отношения к жителям аула Жанбырши, к укладу их жизни. <...>

«— Не знаю, вы слышали или нет?.. — начала она. — В Жанбырши с древних пор живут тёре... Это их земля. Но сами они рукой не пошевелят, чтобы хоть царапнуть ее плугом. Считают, что и счастье, и достаток, и удача — все им от бога, свыше дано! Прежде тут с ними жили туленгуты. Тридцать семейств туленгутов. Они-то все и делали. А потом, вскоре после того, как переменялась власть, они все ушли. Стали жить отдельно. Колхоз у них... Вчера я ходила пригнать коров и видела: поля у них вспаханы, сеять начали. Разве плохо им? А наши!.. — Она безнадежно махнула рукой. — Из десяти мужчин ни одного нет, кто бы стал седлать своего собственного коня! Я уж не говорю — привезти дров, сена на зиму накопить... Руку не поднимут — паршивую козу зарезать. Даже если брюхо от голода совсем подведет! Все я делаю. Я дочь туленгута. Вот, осталась с ними, с этими живыми мертвецами».

Обличая старые, закостенелые порядки, помноженные на бездеятельность и пустопорожные разглагольствования, Габит Махмудович показывал в рассказе и непримиримость молодого поколения, не желавшего плестись за отжившими устоями и стремившегося к кардинальным переменам. Об этих настроениях писатель говорит в последних строках этого небольшого, но яркого повествования, ранее неоднократно отмечавшегося многими советскими критиками.

«...Сообщение, которое я на следующий день сделал секретарю райкома, было предельно кратким.

Я сказал:

— Аул Жанбырши владеет землей, на которой свободно разместится десяток колхозов. Но в самом ауле Жанбырши есть только один человек, который может работать в колхозе. Это женщина по имени Карашаш, дочь туленгута.

— Вот как? А куда же мы денем остальных?

Я был молод тогда и ответил:

— Ну не знаю. Но там — им не место.

Секретарь райкома задумался».

О беспросветной женской доле до Октябрьской революции Мусрепов коротко и красноречиво написал в 1934 году в маленьком рассказе «Материнский гнев».

Читать его без чувства горечи не получается. Уж больно драматичную историю обездоленной казашки, вдовы, вступившейся за сына, ставшего участником вос-

стания против царской власти в 1916 году, вызванного нежеланием участвовать в тыловых работах, рассказывает читателям писатель.

Что только не пришлось пережить этой бедной женщине! Унижения, издевательства, оскорбления, побои, сыпавшиеся на нее как из рога изобилия со стороны бая, волостного, судей, чиновников, тем не менее, не сломили эту свободолюбивую дочь казахской степи.

«— Когда я очнулась, — вновь, как бы через силу, заговорила женщина, — едва разлепила дрожащие веки, рой мух слетел с моего лица. Надо мной небо, ясное, голубое. Где я? Не пойму. Что со мной было? Не знаю. Голову повернуть нельзя — больно. Хочу встать — не могу: все тело будто свинцом налито. Рукой бы двинуть, ощупать себя, но рука не слушается и ноги не двигаются, словно чужие. Все чужое, только глаза мои. Злодеи, изверги... Мне казалось, будто взяли они меня, изрубили на части, а потом бросили где-то в степи, за аулом. Долго не могла понять, что со мной. А меня не изрубили. Меня приковали. За руки, за ноги, за косу к пяти кольям. Били плетью... Сколько били — не знаю. И что они еще творили надо мной — тоже не знаю».

Такое изуверское отношение к простой женщине, говорит нам Мусрепов, было обыденным для Казахстана тех предреволюционных лет. К сожалению, как выясняется, садизм, нечеловеческая жестокость никуда не делись и век спустя и продолжают существовать в, казалось бы, цивилизованной европейской стране, какой пытается позиционировать себя Украина, расплодившая неприкрытый неонацизм, показавший свое жуткое нутро на многострадальной земле Донбасса, жители которого на протяжении долгих восьми лет подвергались физическому уничтожению, избиениям, издевательствам и пыткам. Вот такая, увы, историческая параллель, напрашивающаяся на ум сама собой...

Ну а в рассказе «Материнский гнев» страданиям бедной казашки приходит конец: «Через месяц и семь дней меня в тюрьму бросили, холодную, темную, как могила. И вот вышла я из этой могилы. Царь, говорят, от престола отрекся, а меня, слышь, большевики освободили... Не знаю, что за люди. Должно быть, хорошие, раз говорят, что теперь они извергов да палачей в тюрьмы сажать будут...»

Этот рассказ, повествующий о бесправном положении простых казахов в царской России, живших в нищете и подвергавшихся всевозможным притеснениям и откровенным издевательствам со стороны баев и местных властей, верхушку которых формировали выходцы из байских семей, писатель написал уже в тридцатые годы, через пятнадцать лет после очистительных ветров Великого Октября. Но, что принципиально важно, о том времени великих потрясений сам Габит Махмудович знал не только по рассказам старших соплеменников. Октябрьскую революцию он встречал в пятнадцатилетнем возрасте, то бишь вполне, по тем годам, взрослым человеком, познавшим тогда к тому же и мизерную цену наемного труда, покупавшегося баями за бесценок. Посему и воспринимается этот рассказ живо, в нем нет каких-то нелепостей и чрезмерного сгущения красок, выносящих наружу неприкрытое желание автора сделать акцент на том или ином событии, так как такую возможность Мусрепов предоставлял читателю, причем не только своему современнику, но и тому, кто возьмется за прочтение этой маленькой вещи в будущем. А уж внимательный читатель, был убежден писатель, старавшийся тогда следовать чеховским и горьковским традициям в показе обычного, если так можно сказать, среднестатистического человека, — во всем разберется сам, сделал

соответствующие обобщения и выводы. Да и откровенно навязывать ему что-либо ни к чему, ведь навязчивость, как известно, нормальному человеку претит и не может вызывать у него понимание и поддержку.

Читая прозу Мусрепова, можно непринужденно, не вдаваясь в какие-то хронологические подробности, а пристально всматриваясь во внутренний мир обычного, порою даже и ничем не примечательного человека, изучать историю казахской земли прошлого, такого бурного и судьбоносного века, если и не всего то самой большей его части. Хотя, справедливости ради, герои писателя проживали свою, придуманную им жизнь, не только в Казахстане. Бывало и так, что он направлял их далеко за его пределы, как и произошло в том же романе «Солдат из Казахстана», когда его главные герои, повзрослевшие Кайруш, он же, на русский манер, Костя, и Шеген, окажутся далеко за его пределами.

Этих бывших беспризорников и детдомовцев, становящихся защитниками Родины, мужественными офицерами, героями Великой Отечественной войны Мусрепов нарисовал предельно ярко и выразительно. В них невооруженным взглядом заметны прекрасные человеческие качества – порядочность, отзывчивость, верность долгу, ответственное отношение к делу. Умеют они и дружить, бесстрашие и смелость их так и вообще вызывают восхищение.

Всестороннее раскрытие положительного образа в прозе – не такая уж и простая задача. Тем более, Мусрепов в романе «Солдат из Казахстана», оказавшемся первым крупным произведением в казахской литературе о Великой Отечественной войне, ставил перед собой задачу показать Кайруша в естественном личностном росте, с юных лет, когда он предстает перед нами несмышленьким, лишь постигающим окружающую социалистическую действительность, а затем и тогда, когда на фронте, в районе Керчи, он совершает подвиг, отбивая вражескую атаку на одном из курганов, и Советское государство принимает решение о присвоении ему высокого звания Героя Советского Союза.

Благородство и нравственная чистота Кайруша-Кости, молодого бойца Красной Армии, становятся теми отличительными гранями, на которых писатель выписывал весь его облик и которые наиболее заметны в общем портретном рисунке главного героя.

На фронте у него появляется и прозорливость. Он начинает анализировать все происходящее и в конце концов, вместе с бойцами отказавшись сдаваться в плен и приняв на себя после гибели капитана Мирошника командование отделением, в котором вместе с ним остается всего пять солдат, приходит к пониманию того, как сильны советские солдаты своим коллективизмом, неиссякаемым душевным настроем и верой в победу, а также и убежденностью в правоте борьбы народов Советского Союза за свою родную землю – землю отцов и дедов.

И в тот же час мы видим искренние переживания Кайруша за вверенных самой войной в его подчинение солдат: «Боже мой! Да кто же ты сам? Да хватит ли у тебя ума и выдержки, чтобы не погубить даром жизни этих отважных людей, чтобы не отдать врагу этот кусочек освобожденной родины? Капитан говорил, что мы навеки освободили этот курган от фашистов. Слово его должно быть тверже, чем сталь. Он умел держать слово...»

Рассказывая о военных буднях Кайруша, Мусрепов показывает убедительную картину интернационального взаимопонимания и дружбы, царивших в их отделении, основную массу которого составляли русские. Но и казах Кайруш Сарталеев,

и узбек Самед Абдулаев, шутник и неисправимый оптимист, не перестававший по любому вопросу ссылаться на мысли Ходжи Насреддина, чувствовали себя в коллективе свободно и непринужденно. Между ними всеми не было национальной розни, так как на национальность они вообще не обращали внимания. Все они тогда были советскими людьми, единым народом, самоотверженно вставшим на защиту своего социалистического Отечества.

А с какой теплотой Кайруш, находясь в госпитале после того тяжелейшего боя, размышляет о своих однополчанах, ставших для него родными: «Я прозевал и не слышал утром по радио важного для меня известия. Говорят, что я проспал его. Теперь в сотый, может быть, раз я перечитывал его в газете.

Список двадцати человек по алфавиту начинается с Абдулаева Самеда.

Я знаю уже наизусть все от слова до слова и по порядку могу перечислить все двадцать имен, кому присвоено звание Героя Советского Союза. Но как только газета, лежащая рядом со мной, попадает мне на глаза, я еще и еще раз перечитываю все от начала до конца.

Взгляд подолгу останавливается на имени Самеда, белозубого весельчака, с которым легче воевалось, на имени капитана Мирошника. Он доверял нашей юности трудные и ответственные задания. Он не опекал нас и не страшился за нас. Он верил, что мы все осилим. Имя Пети волнует особо. Когда я сказал, что к моменту взятия Берлина он будет Героем Советского Союза, как он тогда присвистнул! А в это самое время он уже был Героем, хотя сам себя не считал достойным такого звания. Егорушка, Федя Горин...

Мои дорогие друзья Володя и Вася, конечно, тоже рядом со мной в этом списке. С Володей мы даже соседи, по алфавиту».

Это ли не пример той советской общности, которая стала одним из решающих факторов, обеспечивших победу над самым страшным злом в истории человечества, каким был фашизм, продолжающий, к великому сожалению, и сегодня существовать не только где-то в далеких европейских странах, но и в бывших советских республиках? Что и говорить, писатель очень точно подметил в романе существо тогдашнего советского человека, и в первую очередь молодого, рожденного уже в советской действительности, как того же Кайруша, показав их такими, какими и были в реальности представители их поколения.

Потому и не теряет роман «Солдат из Казахстана», написанный в 1948 году, своей привлекательности, что в нем Мусрепов реалистично представил собирательный образ молодого казаха, плечом к плечу вместе с русскими и представителями других национальностей вставшего на защиту страны Советов – его родной страны, давшей ему кров и воспитание и привившей в нем любовь к Родине, большой и малой, людям, живущим рядом, знакомым и незнакомым, но однозначно своим – советским... При этом интересен роман и тем, что в его первой части писатель рассказывает о жизни Казахстана тридцатых годов прошлого столетия, выводя на страницах примеры позитивных изменений, все заметнее укоренявшихся в обществе, но и показывая негативные стороны, также наблюдавшиеся в повседневной жизни.

Так, с присущим ему юмором, а также придерживаясь своего собственного правила, согласно которому в его прозе трагическое всегда соседствовало и мирно уживалось со смешным, Мусрепов реалистически тонко высмеивает безграмотного и равнодушного чиновника, заведующего облоно, распределяющего ребят

из детдома, вопреки их очевидным способностям и склонностям, куда попало, но при этом прикрывающегося демагогическим словоблудием, переполненным напоминаниями о том, что государство, от имени народа, понесло немалые затраты, содержа и учив ребят в их детском доме. И хотя у персонажа этого роль эпизодическая, тем не менее Габит Махмудович, вводя его в канву повествования, ставил перед собой конкретную цель – продолжать борьбу с черствостью и равнодушием, не замалчивать перегибы и формализм, не плестись в хвосте у проходимцев, подхалимов и приспособленцев, решительно пресекать негативные явления, способствовавшие превращению обычных трудолюбивых людей в хамелеонов и беспринципных обывателей, живущих лишь сегодняшним днем.

Следует сказать, что принципиальности Мусрепову было не занимать, как в жизни, так и в творчестве. Наверное, по-другому и быть не могло, ведь писатель жил полноценной, насыщенной жизнью, не замыкавшейся на одном индивидуальном творчестве, которое, возможно, оказалось бы куда более плодовитым, не занимаясь он общественной работой и не участвуя в руководстве писательской организацией Казахской ССР и всего Союза писателей СССР. Но разве мог он, член ВКП(б) с 1927 года, бывший активным участником социалистических преобразований на родной казахской земле, оставаться в стороне от литературных процессов, происходивших в республике и стране? Нет, конечно. Как не мог он и пренебречь доверием товарищей по писательскому цеху, дважды, с 1956 по 1962 и с 1964 по 1966 годы поручавшим ему возглавлять Союз писателей Казахстана, а с 1959 года к тому же работать и секретарем Правления Союза писателей СССР.

К сему добавим, что Мусрепов неоднократно избирался депутатом Верховного Совета Казахской ССР, а с августа 1974 по июль 1975 был и его председателем. Также он избирался депутатом Верховного Совета СССР пятого созыва, членом ЦК Компартии Казахстана, академиком АН Казахской ССР.

Важно подчеркнуть и то, что Мусрепов, будучи человеком партийным, отлично зная существо партийной дисциплины, тем не менее, не считал для себя возможным со всем, даже с очевидными перегибами и самодурством, прикрываемыми авторитетом высоких партийных должностей – считаться и соглашаться. Более того, возникали перед ним и такие дилеммы, когда он прежде всего задумывался о судьбе Казахстана, а уж потом вспоминал о своей личной карьере, выстраивать которую тогда, в 30-е годы минувшего века, было далеко непросто.

Трудным жизненным испытанием обернулось для него решение, в результате которого он в июле 1932 года совместно с известными в республике коммунистами, представлявшими национальную интеллигенцию М. Гатаулиным, М. Давлеткалиевым, Е. Алтынбековым, К. Куанышевым, отказываясь больше лицедреть на откровенно вредные, имевшие катастрофические последствия для Казахстана, если так можно выразиться, инициативы, исходившие лично от секретаря ЦК Казахстанского крайкома ВКП (б) Ф. Голощекина, – подписал обширное письмо в адрес И. Сталина, в котором с горечью все эти мужественные люди поведали о жутком состоянии дел в сельском хозяйстве региона, вызванном перегибами, чинимыми местной властью.

Письмо же свое они, в отличие от известных общественно-политических деятелей Т. Рыскулова, У. Ходжаева и С. Садуакасова, также в разное время писавших письма в Москву, сопроводили запиской, содержащей следующие метко ими подобранные убедительные слова: «Податели этих вопросов не являются

ни в какой мере “обиженными” людьми, жаждущими карьеры... Единственной нашей целью является помочь социалистическому строительству в Казахстане, указав на отдельные серьезные прорывы, ставя волнующие нас вопросы прямо по-большевистски перед Крайкомом в рамках партийной демократии и в порядке самокритики, являющейся главным оружием нашей партии. Поэтому мы уверены, что Вы ответите на наши вопросы, отнесясь к ним как к предложениям, исходящим от здоровых товарищей среднего партактива, не связанных в какой-либо мере с именем других, в частности, “больших людей”.

Естественно, авторов письма в Москве не поняли, восприняв их искреннее беспокойство за судьбу родного края, как чуть ли не угрозу строительству в стране социализма, подвергнув этих принципиальных людей разного рода наказаниям. Для Мусрепова кара со стороны власти вылилась в вынужденную отправку в Кустанайскую область. Однако пробыл он там недолго и уже через год его назначат заведующим сектором искусств Наркомата просвещения Казахской ССР, а еще через год главным редактором газеты «Социалистический Казахстан».

Писательские интересы Мусрепова не давали ему возможности работать лишь над художественным обобщением и типизацией современности. Его не менее интересовали исторические факты, но опять же не как таковые, с конкретным и точным их разъяснением, а их типические характеристики, выстраивавшиеся на внутреннем мире героев, бывших образами собирательными и лишь в какой-то мере подсказанными писателю тогда, когда он изучал жизненные пути реальных исторических фигур, оставивших заметный след на казахской земле.

О жизни же старой, феодальной казахской степи XIX века (в основу повествования положены реальные факты, связанные с организацией и развитием угольного предприятия Караганды в период с 1833 по 1905 годы) и о зарождении рабочего класса Мусрепов с большим художественным накалом расскажет в знаменитом своем романе «Пробужденный край», написанном в 1953 году и порядком подзабытом, надо признаться, в наши дни.

Основная конфликтная линия этого романа писателем была выстроена на коллизиях борьбы двух степных феодалов – баев Жумана и Игилика, существенно разных по своему мировосприятию крупных собственников.

Различие же их, а оба они при этом были неподдельными, а закостенелыми, матерыми кровопийцами и рвачами, – заключалось в том, что Жуман оставался феодалом старого типа, стремившимся удержать патриархальные порядки, а Игилик, напротив, будучи более изворотливым, выступал уже в качестве бая новой формации, пытавшегося использовать и нововведения, способные укрепить его материальное положение.

Борьба баев в романе получит свое новое продолжение после того, как сородич Жумана, простодушный степной житель Байжан, случайно обнаружит в степи богатейшее угольное месторождение, первоначально используемое им для бесплатной раздачи чудодейственного черного камня простым людям.

Однако интересы степняков не вписывались в алчные запросы баев, стравливавших бедных сородичей, бывших для них ненамного ценнее их огромных табунов скота.

Степной люд терпел крайнюю нужду, страдал, баи обогащались и продолжали враждовать и, как бы сказали в наше время, – делить между собою сферы влияния.

Так-таки, а в той их борьбе верх возьмут все же русские капиталисты Рязанов и Ушаков, перекупившие у наивного Байжана бесценное угольное месторождение за двести с лишним рублей.

Впрочем, недолго этим хищникам удастся удерживать в своих лапах вырванный ими у степных тузов лакомый кусок – Караганда объявляется концессией иностранного капитала. При сем капиталист Ушаков, по-своему, а все ж любивший Россию, не понимает характера хищнического, спекулятивного русского капитализма и его главных заправил, не желавших серьезно развивать промышленность, а готовых оптом и в розницу распродавать российские богатства иностранным капиталистам.

А не с подобной ли ситуацией столкнется постсоветская Россия и ряд других бывших советских республик в девяностые, да и позже, когда всеми правдами и неправдами будет звать к себе зарубежных финансовых воротил, сумевших в результате бездумной политики властей предрержащих на нашей земле крупно поживиться и баснословно обогатиться? Ответ, полагаю, лежит на поверхности и, как назло, не требует комментариев.

«Пробужденный край» изобилует разными героями – баями, а бай Жуман, кстати, погибнет в голодную и холодную зиму джута, растоптанный собственными табунами, символизируя тем самым гибель старого степного уклада не только перед неотвратимой стихией капитализма, но и перед простыми людьми, такими как Байжан, мастер Сандыбай, силачи Сугурали и Булунбай, олицетворявшими собою, по мысли писателя, те характерные казахские национальные образы с их родовыми чертами, испокон веков присущими этому сильному и мужественному народу.

Современен ли сегодня роман «Пробужденный край»? И да, и нет. Но то, что это эпическое полотно дает обширные познания о жизни казахской степи позапрошлого столетия, факт, что называется, неопровержимый. Да и знание истории народа, а для автора этих строк братского народа, на примерах судеб людей, пускай и вымышленных, но вобравших в себя жизни многих и многих соплеменников, – никогда не будет лишним и бесполезным, тем паче, если мы – русские, белорусы, украинцы, казахи, татары, узбеки, армяне и все другие – хотим жить вместе, мирно и сообща, уважая и ценя национальные обычаи, традиции и культуры друг друга. Ведь иного пути у всех нас нет и быть не может.

Заметным явлением в казахской советской литературе шестидесятых годов минувшего столетия стала повесть писателя «Однажды и на всю жизнь», написанная им в 1967 году, а через десятилетие по сценарию Габита Махмудовича и А. Беянинова удачно экранизированная режиссером В. Пусурмановым на киностудии «Казахфильм».

Повесть «Однажды и на всю жизнь» рассказывает о некоторых событиях, происходивших в годы революционных преобразований в Казахстане. Главный герой повести Еркебулан, как было сказано выше, повторяет некоторые черты и имеет определенное сходство с зачинателем казахской советской литературы, поэтом, прозаиком, драматургом, активным революционером и первым председателем Казахской АССР Сакеном Сейфуллиным. Но, следует сразу сказать, повесть эта не о Сейфуллине, и Еркин далеко не Сакен, хоть в повествовании мы видим его и поэтом, и революционером. Скорее, здесь можно проследить их некое духовное родство, но никак не однозначное и точное биографическое соответствие.

Тем не менее, Еркен в повести предстает человеком грамотным, стремящимся к лучшим образцам мировой культуры, размышляющим о феномене Моны Лизы Леонардо да Винчи, прекрасно играющим на домбре, всецело погруженным в мир поэзии и при сем необычайно благородным, возвышенным над всем низменным, меркантильным, – и способным, что самое главное, любить, искренне, самозабвенно и всем сердцем, влюбившись однажды и на всю последующую жизнь.

Пройдя через тяжелые испытания, вырвавшись из тюрьмы, двадцатипятилетний Еркен, благодаря помощи настоящих друзей – пожилого Байкена и совсем молодого Кайсара, находит свою красавицу Аклиму, виденную им всего раз, но основательно завладевшую его сердцем. Находит... чтобы увидеть ее обреченной, страдающей от черной оспы и не имевшей уже никаких шансов на выздоровление.

«В жизни каждого человека есть свой календарь памятных дат, – говорит в повести Мусрепов. – В ту ночь, возле умирающей Аклимы, поэт знал, почему молодая женщина с головой укрылась шалью, – не хотела, чтобы он видел ее лицо, обезображенное болезнью. Он держал ее руку, покрытую струпьями, словно чешуей, и думал, что никакая черная оспа, никакое страдание не может уничтожить красоту... Тонкая девушка, которую он однажды увидел в ауле, на берегу озера Кызыл-Мола, разве могла она умереть?»

И вот прошло много лет, Еркен стал большим руководителем, заменившим саблю на «сафьяновый портфель, набитый важными деловыми бумагами». Но при всей своей занятости он, оставаясь поэтом, так и не смог забыть прекрасную Аклиму.

«С годами и Мона Лиза, и Онегин, и та девушка, промелькнувшая в его жизни, все чаще тревожили его и требовали: “Ты все забыл? Почему ты не пишешь? Ты должен писать”. А верно ли, что та девушка лишь раз промелькнула в его жизни? Нет. Как вечернее эхо, многократно повторяясь, мечется в горах от скалы к скале, так и она всегда откликалась по первому зову. Аклима решительно и властно вошла в его жизнь, заставила по-новому взглянуть на многие события и явления. Может быть, он и писать стал по-другому, потому что однажды, там, на берегу озера Кызыл-Мола она явилась ему на мгновение...

Ему было о чем вспомнить, о чем подумать. Он мог бы описать все пережитое с того дня, когда в Кара-Откель пришла весть о свержении белого царя и он, Еркен, одним из первых помогал водружать красное знамя. Всё он испытал: и гордость побед, и горечь поражений. Его память со всей отчетливостью, во всех подробностях хранила приметы времени.

Нет, нельзя слишком долго собираться в дорогу. От размышлений – сумеешь ли преодолеть препятствия, пройдешь ли ее до конца, дорога не становится ни легче, ни короче».

Лирическое повествование это о любви и верности, о призвании поэта, идущего в народ и творящего для него, о том, как тяжело приходилось казахским женщинам до Октября жить в нелюбви, оставаясь бесправными, когда их в буквальном смысле продавали, – ставит перед нами немало вопросов духовно-нравственного содержания, среди которых и самый ключевой – а способен ли человек, талантливый, живущий в возвышенном поэтическом мире грез, пронести чувство через года к той женщине, которой давно нет на земле, да и которую он практически не знал и никогда не был с ней в близких отношениях?

Да, поэт, как человек, посвятивший жизнь слову, способному возносить любого, знакомого и незнакомого человека до самых значимых высот, до не-

бес, деля его добрее, человечнее, сочувливее, – должен и сам жить любовью, чистой и одухотворенной, дающей силы браться за перо и нести неугасимый свет своей поэзии людям. Именно такие мысли начинают настойчиво обуревать, когда задумываешься над образом Еркебулана, выписанного Мусреповым с каким-то неподдельным чувством уважения и людской признательности к этому красивому физически и духовно, высоко нравственному человеку-бойцу, мужественно вставшему на путь борьбы за народное счастье и готовому жертвовать собственной жизнью во имя высоких идеалов и любви, без которой жизнь на земле немислима.

Оттого-то и читается эта повесть на одном дыхании, что повествуется в ней не столько о революционных событиях, выступающих по сути лишь сюжетным фоном, сколько о вопросах вневременных, кочующих веками из одной общественной формации в другую, продолжая волновать человечество, независимо ни от каких внешних обстоятельств, невластных изменить саму природу человека.

Показу реальных исторических фигур, имевших немалый вес и влияние в казахском обществе второй половины XIX века, а также самой атмосфере, воцарившейся тогда на севере Казахстана, посвятит Мусрепов, думается, лучший свой роман «Улпан ее имя», прекрасно переведенный на русский язык А. Беляниновым.

Появившийся на свет в 1975 году роман давно уже вошел в сокровищницу самых лучших, глубинных, содержательных и эпичных произведений казахской литературы, своего рода энциклопедий жизни казахского народа далекого прошлого, заняв там свое достойное место наряду с такими выдающимися произведениями, как «Путь Абая» М. Ауэзова, «Промелькнувший метеор» С. Муканова, «Кочевники» и «Золотая Орда» И. Есенберлина, «Кровь и пот» А. Нурпеисова, «Шелковый путь» Д. Досжанова.

На страницах романа мы встречаемся с ага-султаном Аманкарагайского округа Чингисом Валихановым, отцом великого казахского просветителя Чокана Валиханова, последним ханом всех трех казахских жузов Кенесары Касымовым, бием Аманкарагайского округа Есенеом Естемесовым и другими личностями, оставившими свой заметный след в истории Казахстана. Правда, предстают они не в очерковом формате, где важно точно и убедительно показать портрет той или иной заметной, имеющей общественный вес личности, а в художественном своеобразии, раскрывающем, в первую голову, внутренний мир такой личности, как правило, противоречивой, со своими пристрастиями, запросами и желаниями.

Главную героиню романа Улпан, дочь Артыкбая, благодаря таланту Мусрепова, блестяще умевшего выводить в прозе сильные, волевые, неординарные образы, наделяя их особой энергетикой и яркими, запоминающимися обликами, концентрирующими в себе их потенциал, должен стать понятным и читателю, мы видим не только красивой лицом и станом, но и наделенной чрезвычайно мощным характером, темпераментом и харизмой. «Она считала себя сильной, мужественной, она гордилась тем, что может заменить сына отцу и матери... Она привыкла, что никто ей не перечит, все слушаются ее».

Приехав к Артыкбаю, немолодой Есенею сразу же обращает свое внимание и на Улпан. «За чаем Есенею – сколько мог – не смотрел в сторону девушки, но глаза сами упирались в нее. Малиновая бархатная шапочка с черным каракулем, легкая шуба из хорьковых лапок, крытая тем же малиновым бархатом, малиновые

бархатные шаровары. На ногах хромовые сапожки на высоких каблуках, а поверх кожаные галоши, их в этих краях называют “косой кавуш”. Вся ее одежда была чуть помятая, понятно – вещи достаются из сундука в особо торжественных случаях.

Она разливала чай, не поднимая на гостей глаз. Только руки видны, лицо... Кажется, она из тех скромных девушек, которые не выставляют напоказ свою красоту... Или же – понимает, что красота скрытая еще пронзительнее поражает жигитов? Из-под тугой косы, толщиной в ладонь, белела шея. А руки у нее – уверенные, ловкие, привыкшие к труду».

Читая эти строки и знакомясь с Улпан и ее жизненным путем в следующих главах романа, нетрудно раз за разом удостоверяться, смотря на нее будто вьяве, в ее величественной, такой естественной и одновременно неповторимой, рожденной в казахской степи красоте, как будто распространяемой на всех казашек прошлого и дня сегодняшнего, всегда славившихся своей жгучей, миловидной привлекательностью, стройностью, пластичностью и умением держать себя в руках.

Улпан, и с этим не поспоришь, была в известной степени новатором для своего времени, по существу она его предвосхитила, идя наперекор издавна принятым порядкам и устоям, не побоявшись их открыто ломать, заручившись при этом поддержкой своего мужа Есенея, оказавшегося мудрым и прозорливым человеком, однажды почуявши ветер перемен, задувший в казахской степи.

Новым для того времени становится и то, что Улпан, выйдя замуж за Есенея, не растворяется в семейных заботах, а лишь возвышается над ними, опять же демонстрируя всю неординарность своей личности. При сем любовь их с Есенеем, несмотря на разницу в возрасте, чиста, откровенна и не завуалирована от внешнего мира. Более того, она делает их не только счастливыми, но и позволяет им воспринимать окружающую действительность добрее и человечнее. А Улпан к тому же стремится помочь землякам, сделав их жизнь менее темной и тяжелой.

Сочувствие соплеменникам Улпан не напускное, оно идет от ее большого и доброго сердца. В ее памяти тоже запечатлелись картины трудных времен, которые пришлось переживать и ей. «Удивительно было бы... если бы дочь бедной семьи не сочувствовала беднякам, если бы не считала позором для себя бедность аулов».

Недаром русский чиновник Саврасов, хорошо знавший Улпан и понимавший, какое она имеет влияние и на мужа, и на своих сородичей, в разговоре с ревизором из Кзыл-Жара Леознером говорит: «...Улпан тоже делает у себя то, что приходит ей в голову. Важно – чья это голова, какая голова... Во-вторых, эта женщина не только Есенея приручила. Ее влияние – благотворное, смею думать, – распространяется и на все пять волостей, где обитают роды кереев и уаков. <...>

В-третьих, напрасно вы полагаете, что она не придает значения своей красоте. Таких женщин не бывает ни у каких народов! Только судите вы с точки зрения омича, горожанина. А у казашек свое, скрытое кокетство, и я, право, не знаю, какое сильнее действует – открытое или скрытое... Возможно, в первооснове – боязнь дурного глаза... <...>

Мы говорили, эта женщина могла бы украсить гостиную. Реформа государя, освободившая крестьян, нашла здесь свое выражение. Земли сибанов – принадлежали Есенею... Улпан разделила их – и не просто так, сплошной чересполосицей,

кочок здесь, кочок там! У каждого аула есть пахотные, пастбищные, сенокосные угодья, постоянные места зимовок... Как будто она, как ваш покорный слуга, всю жизнь занималась землеустроительными делами! Она заставила здешних казахов сеять хлеб и запасаться на зиму сеном. Заставила построить зимние жилища. Край этот мы с полным основанием считаем краем, где население перешло на полуоседлый образ жизни».

История этой сильной, волевой и опередившей свою эпоху женщины по-своему драматична. Борясь за новую жизнь, тяготея к новшествам, привнесенным в быт казахов русскими, Улпан решительно пытается противостоять всему старому и закостенелому, веками укоренявшемуся в жизни казахской степи. Но и старое не собиралось сдаваться. Ненавидевшие друг друга баи, постоянно конфликтовавшие между собой, в своей ненависти к смутьянке Улпан готовы были выступить единым фронтом. И единство их зиждилось на целиком банальном лозунге, главившем: «Сила казахов – в постоянстве устоев и обычаев», следовательно, и в неприятии любых перемен, которые могли бы лишить власти тогдашних хозяев необъятной степи.

С годами Улпан все тяжелее становится противостоять этим степным заповедям. Уходит из жизни Есеней... вместе с ним начинает растрачиваться и ее личностное влияние, «...за все сполна решили с ней рассчитаться! Зависть... Скрытая ненависть... В конце концов именно они и столкнули ее в преисподнюю...» На лучшие времена надеяться ей уже также не приходится. Подкрадывается старость...

А через много лет после ее смерти в народе скажут: «Улпан в памяти останется, пока на свете найдется хоть один сибан. Безлошадным – она давала лошадей, она кормила голодных, она первой начала сеять хлеб в наших краях – и многих спасла от голодной смерти. Любой бедняк всегда мог рассчитывать – он найдет у нее поддержку и помощь. Столько добра сделала, а сама умерла в горе, в несчастье...»

Роман «Улпан ее имя» при всех тех грустных размышлениях, которые возникают в ходе его прочтения, оставляет, в целом, сильные впечатления и оптимистический настрой, проявляющийся как в образе самой Улпан, ставшей истинно народной защитницей и радетьницей, матерью целого рода, так и в образах простых людей, встречающихся в романе и представляющих большой народ с многовековым, непростым, местами очень горьким прошлым.

Самое же важное заключено в том, что благодаря таким подвижникам, как Улпан, казахский народ в итоге долгих мытарств и поступательного движения к светочу общемировой культуры, приходившей к нему преимущественно через приобщение к русской культуре и бытовым устоям, царившим на большинстве российских территорий, – обрел свое будущее. И хочется верить, что светлое будущее казахов, фундамент которого закладывается в настоящем, взаправду будет радужным, счастливым и мирным. А на мирной и благодатной почве, как всем нам известно, произрастают обильные всходы. Пусть так будет и впредь!

Прославляя свой народ, повествуя о его исторических путях-перепутьях, показывая при этом лучшие человеческие качества, присущие казахам, привыкшим веками жить в сложных, суровых условиях, Мусрепов в 1960 году написал небольшой рассказ «В двадцать четыре часа» с подзаголовком «Аральская быль».

Действительно, сюжет этого произведения построен на реальных событиях, ставших результатом пришедшего аральским рыбакам письма от В. И. Ленина,

написанного председателем Совнаркома 7 октября 1921 года и известного тем, что оно начиналось со слов: «Дорогие товарищи!» и в нем Владимир Ильич просил рыбаков помочь рыбой голодающему Поволжью и другим страдающим от голода регионам.

Историю эту, между прочим, не забытую в сегодняшнем Казахстане, и особенно в Аральске и Кызылординской области, Мусрепов представил не строго публицистически, а в оригинальном художественном обрамлении, познакомив читателя с героями из народа, малограмотными, но стремящимися делать добро и обязательно выполнить просьбу самого Ленина.

Рыбаки, потрясенные письмом, где, как было ошибочно им сказано, так как никто не смог правильно перевести слово «товарищи» с русского на казахский, – Ленин назвал их «братьями», просьбу его выполнили – четырнадцать вагонов с рыбой были направлены по назначению к терпящим голод несчастным людям.

А Мусрепов в рассказе попытался дать пояснение этому необычному случаю, навсегда оставшемуся в истории братских взаимоотношений казахов и русских, вместе с другими коренными народами ставшими тогда, сто лет назад, жертвами голода: «Рыбаки не спали всю ночь. <...> Разве царь или даже его аульный старшина обращался к ним когда-нибудь как к людям?»

От устья Волги до Китая разбрелся народ, имя которому – казахи, но кто считал их народом? У них было отнято даже это имя “казах”. А вот Ленин написал им – братья! Казахская степь, которая в прошлом принадлежала не им, сейчас наконец отдана живущему в ней народу. То, что, как нагар в котле, веками накапливалось в душе трудового человека, теперь растаяло.

Письмо Ленина превратилось в песни и зазвучало на струнах домбры. А наутро легенда о письме Ленина к аральским рыбакам уже звучала далеко от Арала на просторах Казахстана».

Проза Мусрепова, с ранних писательских вещей отличавшаяся профессиональной зрелостью, подтверждает мнение ряда критиков и о том, что он был прекрасным стилистом, писавшим экономно, вкладывая в каждое свое слово предельную смысловую нагрузку, тем самым оттачивая фразу, делая эпитеты и сравнения меткими, используя при этом все необходимые детали и не допуская, дабы не тратить драгоценное читательское время впустую, в текст ничего случайного, лишнего и не несущего необходимой информации.

Сам же Габит Махмудович к своему писательскому труду относился критично, подчеркивая как свое нежелание спешить в процессе работы, так и разборчивость в том, о чем ему хотелось бы написать. «Лучше меньше, да лучше!» – говорил Мусрепов, будучи убежденным в правильности этого девиза, ни в коей мере не обеднившего весь тот литературный багаж, который оставил писатель своим благодарным потомкам, хотя и не часто, но продолжающим обращаться к его содержанию.

Нельзя не сказать о Мусрепове и как о драматурге, охотно использовавшем казахские фольклорные сюжеты. Так, в качестве сюжета для оперного либретто он, идя по непроторенной еще дороге, выбирает известную народную поэму «Кыз-Жибек», ставшую в итоге его драматургической обработки еще более популярной.

«В период развернутого культурного строительства, создания национальных драматических и оперных театров, – вспоминал Мусрепов, – у меня зародилась

идея связать воедино прошлое и настоящее духовного развития народа. Так были созданы музыкальные драмы по мотивам казахского лиро-эпоса “Кыз-Жибек” (1934) и “Козы-Корпеш – Баян Слу” (1939), поэтическим содержанием которого в свое время восхищался А. С. Пушкин. “Кыз-Жибек” по сей день живет на сцене Казахского оперного театра (муз. Е. Брусиловского), а на “Козы-Корпеш” тот же композитор написал балетную музыку. <...>

Чрезвычайно драматична и поэтична биография Ахана-Сэре. Это, пожалуй, первый казахский бунтарь-атеист. Будучи видным духовным лицом – муллой, занимая солидное положение в обществе, он принес в жертву свое благополучие ради искусства. На эту тему мной написана драма «Ахан-Сэре-Актокты» (1941). Надеюсь, что, приблизив казахский лиро-эпос к «земному» реализму, воссоздав любимые образы моего народа, я не обеднил их красочности и поэтичности. Благо, они легко поддавались драматизации и реалистическому обогащению».

То, что Мусрепов «не обеднил» лирический эпос казахов, сомневаться не приходится. Созданные им драмы на исторические темы давно стали украшением казахской профессиональной сцены и убедительным подтверждением того, что в народе всегда жило устное творчество и созданные им сюжеты не канули в лету, а продолжают жить и так же, как и прежде, волновать новые поколения.

Известен Мусрепов и как публицист, начавший работать в этом направлении еще в тридцатые годы. Ценны и его литературоведческие работы, среди которых наиболее известны сборники критических и публицистических статей «Долг художника» и «Следы времени», в которых он, выдвигавший всегда к творчеству высокие идейно-эстетические требования, рассуждал о судьбах казахской советской литературы, десятилетиями им беспристрастно анализируемой, особенно в те годы, когда авторитет Габита Махмудовича был непререкаемым и в казахском писательском сообществе стали появляться молодые талантливые прозаики и поэты, решительно заявлявшие о себе и подтверждавшие мнение классика о том, что казахской литературе гарантировано большое будущее, ибо в народе продолжают рождаться и пестоваться таланты, впитывающие в себя вольнолюбивый национальный дух и неповторимый колорит казахской древней земли с ее вековыми традициями и культурой.

Многие годы писатель работал и в области литературного перевода русских и европейских классиков на казахский язык. Им удачно переводились произведения У. Шекспира, Ж. Мольера, А. Островского, А. Горького, М. Шолохова, И. Эренбурга, Л. Леонова, К. Симонова, А. Софронова, А. Штейна, А. Корнейчука, В. Василевской, Я. Галана.

Габиту Мусрепову суждено было прожить большую, яркую, непростую, но интересную жизнь. Отраднo и то, что в родном Казахстане он по-прежнему чтим в народе и память его увековечена на самом достойном уровне. Продолжают самостоятельную жизнь и произведения писателя. Живут, увы, не активной жизнью, качественные переводы творений классика на различных языках, и в первую очередь на русском. И хочется верить, что на российских просторах, искренне любимых Габитом Махмудовичем, его имя никогда не забудется.

г. Симферополь

